

РАЗЛОМЫ

ЛЕШЧИЙ

— ЭХО МИРОВ —

18+

Borland Clause

Леший. Эхо миров

«Автор»

2026

Clause B.

Леший. Эхо миров / В. Clause — «Автор», 2026

Два года тишины. Два года пустоты и затворничества в самом темном месте этого мира - внутри своей души. Потеряв Викки, Леший потерял не просто близкого человека — он потерял ориентиры. Цель путешествия забыта, «Резак» лежит мертвым грузом, а сам он превратился в призрака Зоны, застрявшего между прошлым и настоящим. Зона умеет перемалывать тех, кто дал слабину, и Борланд уже готов был стать ее частью. Но у Судьбы свои планы. На пороге его убежища появляется она. Отчаявшаяся, готовая на все девушка, которая ищет своего пропавшего в глубине аномальных зон отца. Она не знает правил выживания, не умеет читать пространство, но у нее есть то, перед чем Леший беззащитен — леденящее, почти безумное сходство с той, кого он не смог спасти. Борланд не может отказать. Чужое, но такое родное, лицо заставляет его снова взять в руки Резак, пробудить чутье и шагнуть туда, откуда нет возврата. Впереди — новый путь через границы миров.

Содержание

Пролог. Старое и новое	5
Глава 1. Научный центр	7
Конец ознакомительного фрагмента.	8

Borland Clause

Леший. Эхо миров

Пролог. Старое и новое

Разлом сомкнулся за спиной без звука.

Борланд лежал на спине и смотрел в небо. Серое. Живое — с облаками, с тем движением воздуха, которое называется ветром. Трава под рукой мокрая после дождя. Запах — тот самый. Озон, мокрая земля, вкус металла на краю восприятия.

Выбрались...

Слово пришло само и осталось висеть — пустое, как гильза без пороха.

Правая рука сжимала Резак. Левая была сжата в кулак — вокруг чего-то твёрдого, вложенного в последний момент перед тем, как пространство сомкнулось навсегда.

Где-то рядом говорил Винт. Потом Гайка. Голоса шли как через толстое стекло — слова доходили, смысл нет. Сознание уходило, и это было его единственным спасением от случившегося.

Его положили на носилки. Несли.

* * *

У Виктора было хорошо находиться, никто не навязывал своё общение, не лез в душу. Но Борланд и сам понимал — что-то было не так. Без зеркала. Без чужих слов, тому, что происходило внутри него — слова бы никто не смог подобрать правильно. Что-то внутри сдвинулось и не встало обратно. Все старые приоритеты и цели померкли. Внутри было пусто.

Не горе. Горе — это что-то живое, оно движется, меняется, иногда отступает. Это было другое. Просто — пусто.

Через несколько дней он собрал вещи.

Зона приняла его, как принимала всегда. Без церемоний. Просто открылась вокруг — привычная, молчаливая, с тем запахом, который не меняется ни в каком мире.

Первые недели он шёл. Без маршрута. Просто — вглубь, туда, где реже попадались люди и плотнее стояли аномалии. Чутьё работало само — он огибал электры, не думая, выбирал направление по едва уловимому изменению давления в воздухе. Тело делало всё правильно. Голова не участвовала.

Так и жил.

Нашёл место — глубоко, там, куда обычные сталкеры не заходили без веской причины. Не схрон — скорее точка опоры. Старый одинокий дом лесника в глубине тёмного леса. Стены. Крыша. Больше ничего не нужно было. Резак лежал на полке и молчал. Борланд его почти не трогал — незачем было открывать разломы, когда некуда идти. Рунический нож тоже лежал там же, и только фото в медальоне всегда было при нём — в нагрудном кармане.

Зона жила своей жизнью. Аномалии двигались, мутанты выводили новые поколения, сталкеры приходили и уходили. Некоторые возвращались, большинство — нет.

Борланд стал частью этого пейзажа.

* * *

Первый раз он показался людям спустя пару месяцев, решив помочь одиночке.

Не из чувства добра — просто потому что он так решил. Четверо шли по следу одиночки-сталкера. Он следил за их охотой. Охотники — по движению, по интервалам, по тому, как держали оружие. Не первый раз им приходится убивать одиночек и обирать трупы.

Борланд не стал ждать, чем кончится.

Он вышел из тумана сзади — бесшумно, как умел, как учили. Первый упал, не успев понять, что произошло. Второй успел обернуться. Этого хватило, чтобы увидеть, но не хватило, чтобы что-то сделать.

Третий и четвёртый побежали.

Борланд догнал обоих.

Сталкер, которого они преследовали, вышел из укрытия, посмотрел на то, что осталось, и долго молчал. Потом поднял взгляд на Борланда.

Борланд уже уходил.

— Эй. — Голос дрогнул. — Ты кто вообще.

Борланд не ответил.

* * *

Слухи в Зоне ходят быстро — быстрее людей, быстрее мутантов, иногда быстрее аномалий.

Появляется из ниоткуда. Живёт внутри, в самой глубине — там, куда без дозиметра и молитвы не суются. Иногда помогает — молча, без объяснений, без оплаты. Иногда убивает — и тогда лучше бы это была встреча с мутантом или неосторожный шаг в аномалию, чем встреча с ним. Бойни, которые он оставлял за собой, были аккуратными. Именно это и было жутко — не кровь, не масштаб, а аккуратность. Профессиональная, холодная, без злости и без спешки. Как будто это была работа. Как будто ему было всё равно.

Здесь его окрестили Лешим, даже не зная, что так его звали в прошлом. Те, кто видел его сам, говорили: глаза живые, но смотрят сквозь. Как у человека, который уже посчитал всё, что нужно было посчитать, и результат его не обрадовал.

Торговал редко. Только когда нужно было что-то конкретное. Цена всегда твёрдая — без торга, без скидок. Клад на стол то, что принёс, забирал то, что купил, и уходил. Вопросов не задавал. На вопросы, которые ему не нравились, не отвечал — просто смотрел, и собеседник обычно сам решал, что тема закрыта.

Прошло два года.

* * *

Борланд сидел у стены и смотрел на Резак.

Нож лежал на полке — там, где лежал всегда. Лезвие не светило. Не тянулось к разломам. Молчало, как молчит всё, что давно перестали звать.

Некуда идти.

Мысль пришла и ушла — без боли, без сожаления. Просто факт. Из тех, с которыми уже не спорят.

За стеной шёл дождь. Тихий, ровный — такой, который в Зоне обычно предшествует выбросу. Борланд слушал его и думал о том, что надо будет поправлять периметр. Аномалии после выброса смещаются. Вокруг дома он давно уже создал лабиринт из аномалий, одни протянул методами племени из своей прошлой жизни, другие создал методами Химика.

Рука нашла кулон под одеждой — сама, без участия головы. Привычный жест, до автоматизма. Он не доставал фотографию. Просто держал кулон в ладони — тёплый от тела, лёгкий.

Дождь шёл.

Борланд сидел.

Глава 1. Научный центр

Лика опаздывала.

Она летела по коридору — каблуки по полу звонко стучали, папка под мышкой, волосы за спиной, — и считала в уме минуты. Совещание началось семь минут назад. Семь минут — это не катастрофа, если войти тихо и сесть с края. Катастрофа будет, если её заметят. Она засиделась в архиве и потеряла счет времени.

Поиск информации о ее отце был осложнён полным хаосом в архиве. Часть документов в папках была перемешана так, будто кто-то разобрал их впопыхах и бросил на полпути. Лика листала страницу за страницей, искала имя, дату, хоть какое-то упоминание о последней миссии ее отца — и не находила.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.